

Академик К.Г. Скрыбин: «России необходима собственная биотехнология»

3 февраля 2018

<https://medbook.ru/news/30328>

Константина Георгиевича Скрыбина называют потомственным академиком. Он — уже третий биолог в этой династии, добившийся заметных результатов в своём деле. Много лет он возглавляет созданный им Центр биоинженерии, проводящий пионерские исследования в области молекулярной биологии, генетической инженерии и биотехнологии. К.Г. Скрыбиным впервые в мире была определена полная последовательность ДНК, кодирующих все рибосомные РНК эукариотического организма — дрожжей *Saccharomyces cerevisiae*, а впоследствии — полная первичная структура всех генов, определяющих синтез витамина В2 у *Bacillus subtilis*, полная первичная структура генома вируса Х картофеля, ДНК-лигазы фага Т4, рестриктазы Eco RV, кристаллинов глаза и целого ряда генов животных, растений и микроорганизмов. Методами генетической инженерии Скрыбиным вместе с сотрудниками был создан трансгенный картофель «Центр-1» (1999; первый в России патент на трансгенное растение), устойчивый к вирусной инфекции. К.Г. Скрыбин — автор более 300 научных работ, в том числе более 40 изобретений и патентов. О том, для чего нам нужна генная инженерия и почему без собственной биотехнологии наша страна никогда не вырвется в число лидирующих в сельском хозяйстве, а также о том, каково это — быть сыном и внуком великого учёного, наш сегодняшний разговор.

— **Константин Георгиевич, чем сегодня занят ваш Центр «Биоинженерия»?**

— Мы сделали очень важный шаг — два года тому назад объединились. Центр биоинженерии, который теперь называется Институтом биоинженерии, Институт микробиологии имени С. Н. Виноградского и Институт биохимии имени А.Н. Баха в один Центр фундаментальной биотехнологии стали единым целым. Это очень правильное решение. Я научный руководитель этого конгломерата, и самое важное сейчас — это, конечно, привлекать молодых людей. Поэтому я открыл кафедру биотехнологии в МГУ, где мы пробуем растить молодые кадры.

— **Молодежь вас не разочаровывает?**

— Нет, наоборот. Сейчас очень много талантливой молодёжи. И вы знаете, наблюдается тенденция постепенно отходить от желания быть юристами, экономистами и эффективными менеджерами. Молодые люди приходят к естественным наукам. В нынешнем году был очень большой конкурс на биологический и медицинский факультеты, на мехмат, на физфак, и это хорошо. Россия вообще исторически сильна в этом плане. Я думаю, что должно произойти серьёзное движение в области наук о живом. Мы сейчас больше начали думать о людях. Люди должны быть здоровыми — это медицина, сытыми — это сельское хозяйство, причем не кустарное, с удобрением в виде навоза, а нормальное, цивилизованное сельское хозяйство. Жить надо в хороших условиях — это экология. То есть экология, медицина и сельское хозяйство — это, конечно, биология, новая биология, которая использует и математику, и физику, и химию.

Центр "Биоинженерия" РАН

— **Это наука XXI века?**

— Конечно. Сейчас потрясающие вещи происходят в сельском хозяйстве. А надо сказать, что и дед, и отец, и я, помимо Академии наук большой, были еще членами Сельскохозяйственной академии. Это тоже некая традиция в семье.

— **А теперь у вас отобрали это звание...**

— Ничего. Я-то как раз считал, что объединение Медицинской, Сельскохозяйственной и Большой академии — это в тренде XXI века, потому что и медицина, и сельское хозяйство — это биология. Сейчас во всем мире говорят о персонализированной медицине и о точном сельском хозяйстве. Это кажется фантастикой, но скоро во всем мире над полями будут летать дроны, фотографировать земли, растения и решать проблему удобрений, инсектицидов, пестицидов не на всем участке, а только на тех участках, которые в этом нуждаются. Мы резко сократим использование химии, а это хорошо для экологии, и получим высокую урожайность. Мы знаем теперь генетическую информацию всех растений, которые используются в сельском хозяйстве: это и картофель, и пшеница, и морковь, и хлопчатник, и так далее. Исходя из генетической информации — это то, чем мы занимаемся, — можно улучшать сельскохозяйственные качества этих растений. Еще пять лет назад такое даже представить себе нельзя было.

И то же самое с медициной, когда вы можете за 1–2 тысячи долларов сделать полный анализ генома человека, что сопоставимо со стоимостью хорошего биохимического анализа в клинике. А со временем анализ генома будет еще дешевле. Есть недавняя работа, сделанная буквально несколько недель тому назад: секвенированы геномы людей, живших десятки тысяч лет тому назад. Владея этой генетической информацией, мы можем сказать, чем эти люди болели, и установить, что они были более подвержены сердечно-сосудистым заболеваниям, чем современные люди. И зубы у них были хуже, чем у нас с вами.

— **Удивительно. Казалось бы, это сейчас гиподинамия, неправильное питание, плохая экология...**

— Чудеса. Нет, мы молодцы! Мы стали здоровее, чем были люди в древности. А сейчас вместе с Курчатовским институтом мы провели большую работу и нашли, что на Кавказе древние люди, которые питались молоком, были заражены бруцеллезом. Мы нашли генетическую информацию об этом заболевании. Таким образом, мы можем определить, какие болезни были 5–10 тысяч лет до нашей эры. Представляете себе?

— **Насколько я понимаю, во всем мире сейчас полным ходом идут эксперименты по исправлению генома.**

— Да, сейчас это делают китайцы, американцы и англичане. Результаты обнадеживают.

— **Что удастся починить? Скажем, синдром Дауна можно «поправить»?**

— Нет, синдром Дауна — это многогенная проблема. Мы делаем другую вещь: можем по капле крови определять будущее плода. В том числе сказать, будет синдром Дауна у ребенка, или нет. Это огромная проблема, потому что для всех женщин старше 35 лет резко повышается риск рождения ребенка с синдромом Дауна. Известно, что при синдроме Дауна у плода — три хромосомы, а в норме две, а мы можем по капле крови без всякого инвазивного вмешательства в организм женщины сказать, будет две хромосомы или три. В Америке сделано около 400 тысяч таких анализов, в Китае — около миллиона, в Европе — около 400 тысяч. Мы сделали 5 тысяч, но все-таки сделали. Начали внедрять

этот метод анализа совместно с Марком Курцером, известным акушером-гинекологом, директором клиники «Мать и дитя». Понятно, что пока это довольно дорогой анализ, и платит за него не страховая медицина, а сама женщина, поэтому пока пациентов маловато. Но я надеюсь, что ситуация изменится.

— Какие же генетические поломки сегодня научились исправлять?

— Есть мутации в единичных генах, как, например, у цесаревича Алексея, страдавшего гемофилией. Эту поломку сегодня можно было бы поправить, но тут возникают этические проблемы. Как можно поправить? Исходно, это должен быть эмбрион. Недавно наш соотечественник, работающий в Аризоне, в своей лаборатории завершил эксперимент — попробовал отредактировать такую мутацию в момент искусственного оплодотворения ооцита. И у него все получилось! Но проблема заключается в том, что дальше ничего сделать нельзя. Из этого эмбриона не получишь ребёнка, потому что мы не знаем, какие будут последствия. Из той же области вопрос, можно ли заниматься клонированием человека?

Американская академия издала большой том о том, можно или нельзя. И в первую очередь возражения были религиозного и этического характера, а уже во вторую — технические, молекулярно-биологические трудности. Никто не знает, что будет с этим человеком, у которого нет ни матери, ни отца, ни братьев, ни сестер. Это принципиально новая социальная структура. Как он будет себя вести — непонятно. Хотя и те, у кого есть родители, братья и сестры, не всегда понятно, как себя ведут.

Ясно одно: сегодняшняя революция в биологии должна обязательно привести нас к революции гуманитарной. Если мы не будем обсуждать проблемы этики и некоей новой общественной философии, то можем очень сильно промахнуться.

В экспериментальных теплицах Центра "Биоинженерия"

— Несколько лет назад люди шарахались от аббревиатуры ГМО, боялись каких-то чудовищных мутаций. Сегодня такого страха уже нет. Можем ли мы сказать, что Вы сумели убедить общественность в том, что ГМО — это данность, закономерность нашей жизни?

— Так сказать пока нельзя. Осознания того, что это необходимость, в обществе пока нет. Сейчас в Америке происходят чудовищные вещи — тайфуны, цунами и ураганы, и не дай Бог что-то подобное будет у нас: похолодает либо потеплеет, и мы останемся без урожая, без запасов, голодные. Вот это будет катастрофа. Нельзя сегодня сеять и жать так, как мы это делали в XVIII веке. Но многие хотят именно так.

Я помню, давал интервью какой-то телевизионной передаче, и там была девушка, которую спросили: «Скажите, пожалуйста, чем вы будете кормить своего маленького ребенка?» Она говорит: «Я буду кормить теми яблоками, в которых есть червяк. Потому что если червяк ест — значит, это хорошее яблоко». Это неправда, чушь. Она же сказала, что генно-модифицированное яблоко никогда не даст своему мужу, потому что он станет импотентом.

— **На канале «РЕН ТВ» я услышала новость, что нельзя мужчинам носить обручальные кольца, это пагубно сказывается на мужском здоровье. Оказывается, золото, соприкасаясь с кожей, окисляется. Частицы окисленного золота попадают в кровь и оседают в половых органах.**

— Это потрясающе. Воинствующее мракобесие живее всех живых... Сегодня совершенно ясно: отсутствие новой биотехнологии в России приведет нас к экономической катастрофе. Нам будет просто нечего есть. Не надо кивать на Европу: там значительно теплее, там больше воды. А вы знаете, что 80% воды в мире тратится на сельское хозяйство? А американцы и канадцы, у которых похожие условия, генную инженерию развивают совсем другими темпами, чем мы. Я каждый раз говорю: если вы против генной инженерии, то не берите в руки доллар, потому что он сделан из генно-инженерного хлопчатника.

— **А рубли?**

— С рублями всё в порядке...

— **А что у нас сейчас с собственной биотехнологией?**

— Ничего. Мы запретили выращивание генно-инженерных растений. Хотя могли бы делать это не хуже американцев.

— **А почему запретили, в чем причина?**

— Чтобы не дай Бог.

— **Выходит, авторитет науки в нашей стране по-прежнему недостаточен?**

— Выходит, так. А почему прикрыли всю биотехнологию, которую внедрили за годы деятельности Георгия Константиновича Скрыбина? Вышел чиновник и сказал: «Я уверен, что это вредно». Вышли медики и сказали: «Мы проверяем пять лет, и это полезно». — «Мы вам не верим». И всё. Это удручает.

— **И всё-таки будущее за биологической наукой?**

— Безусловно. Будущее за новой наукой о живом, и в связи с этим всех нас ждёт скорая гуманитарная революция. Надеюсь, и у меня есть для этого некоторые основания, что авторитет учёных в России будет повышаться, нас начнут слушать, и в век биологической науки мы вступим не самыми последними.

— **Константин Георгиевич, недавно исполнилось сто лет со дня рождения вашего выдающегося отца, академика Г.К. Скрыбина, а в нынешнем году мы отметим 140-летний юбилей вашего деда — академика К.И. Скрыбина. Вы помните деда?**

— Еще раньше, в апреле, состоится мой 70-летний юбилей... Да, я помню деда очень хорошо.

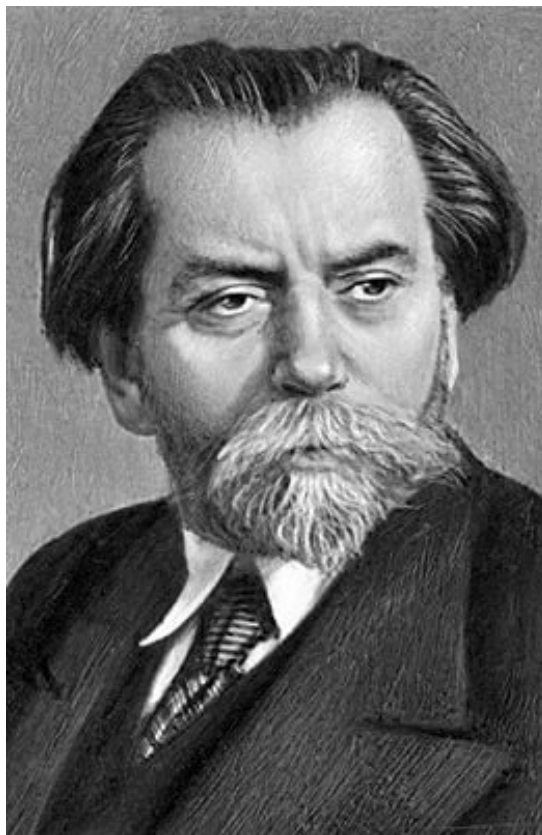
Константин Иванович Скрыбин

— **Расскажите, что он был за человек? Властный, решительный?**

— Совсем нет. Он всегда был максимально вежлив. Он мне объяснял: когда ты приходишь на работу или на учебу, то надо быть особенно вежливым с гардеробщицей — неважно, какое у тебя настроение. А если ты очень хочешь ругаться, иди к ректору, к директору, скажи ему всё, что угодно. А вот таким людям, самым уязвимым, грубить не надо — это стиль жизни нашей старой русской интеллигенции. И очень интересная, непростая судьба у деда. Недавно, будучи в Петербурге, я нашел старое кладбище, где около десяти памятников Скрябиным, моим предкам. Первый Скрябин, мой прапрапрадедушка — это времена еще Екатерины Великой. Вообще повезло, что это кладбище сохранилось. Это была очень известная семья, и все, начиная с пятого колена, там лежат. Все они были староверами, а староверы никогда не были большими начальниками в царской России. Это были люди, которые занимались либо меценатством, либо относились к купечеству. Есть могилы, которые я не нашел — моего прадеда, отца Константина Ивановича. Дело в том, что в 1911 году Константин Иванович и Елизавета Михайловна, мои бабушка и дедушка, уехали во Францию, взяв с собой старшего сына (отца ещё не было, он родился в 1917-м) и своего отца. И по дороге во Францию, в Кенигсберге, он скончался, где и был похоронен. После войны дед пробовал найти эту могилу, но она не сохранилась. А все остальные могилы мы знаем, начиная примерно с 1700 года.

— **Ваши предки не имели отношения к науке. Первым был ваш дед, а таким, наверное, труднее всего.**

— Либо проще, это как посмотреть. Я никогда не забуду, когда я в Университете сдавал зоологию беспозвоночных. Это единственный предмет, по которому у меня тройка. Профессор, которому я сдавал, часа два меня расспрашивал, а потом сказал: «Как Вам не стыдно! Вы же Скрябин! И не знаете таких деталей». Всё остальное, правда, было на «отлично».

К.И. Скрябин

— Да, в этом плане сложнее. Как вышло, что дед пошёл в науку?

— Сложно сказать, почему так сложилась судьба. Его отец и все родственники занимались железными дорогами. В 1895 г. прадеда назначили работать в Красноярск, где не было реального училища, и дед уехал в Томск, где его родственник строил мост через реку Томь. Там он заканчивал реальное училище, а для того, чтобы поступить в университет, нужно было обязательно окончить гимназию. Окончившие реальное училище должны были сдавать классическую историю, литературу и языки, а разрешение на такой экзамен давал император. И дед добился разрешения Николая II: ему позволили досдать экзамены, и он поступил в Тартуский университет. Он очень старался получить образование — медицинское или ветеринарное. Не знаю, как сейчас, но раньше в Тарту на здании университета висела доска, что он здесь учился. А когда закончил, уехал в тмутаракань, в Туркестан, и возглавлял там ветеринарную службу. Потом он женился на бабушке, а бабушка у меня была грузинка. Настоящая грузинка. Дед умер в 96 лет, а бабушка в 95, и в последние два года своей жизни она говорила только по-грузински, читала только грузинские газеты и книги.

— А как же вы общались?

— Ой, это была очень большая проблема. Но ничего, общались. Бабушка была из хорошей грузинской семьи, и у нее был дядя, брат ее мамы, известный царедворец. Когда она вышла замуж, он спросил: «Лизико, скажи, пожалуйста, а кто у тебя муж?» Она говорит: «Ветеринарный врач». «Ай-ай-ай, как жалко», — сказал дядя. Это тогда была не очень престижная специальность.

— А что было престижно?

— Ну, дипломатия, военные. Они уехали за границу, и дед учился и работал на нескольких крупнейших зоологических станциях Европы — во Франции, в Швейцарии. Когда он вернулся в Россию, то был уже авторитетом в научном мире. На него ориентировалась советская власть. В 1920-м году в Москве в Институте ветеринарии он создал большой отдел, несколько кафедр, и в Ветеринарной академии, которая носит теперь его имя, он тоже создал кафедру. В общем, он был очень активным человеком.

Надо сказать, что мы в те годы находились на лидирующей позиции в мире по микробиологическому производству антибиотиков и получению микробного белка из нефти. Потом, по не имеющим к науке никакого отношения причинам, все заводы и все фабрики, которые эту продукцию выпускали, были закрыты. И мы резко потеряли микробиологическую промышленность.

— А каким человеком был ваш отец? Другим, чем дед?

— Они были разными, но оба хорошие люди. Дед был, конечно, своеобразным. Когда возникали какие-то хлопоты, проблемы в семье, он сразу уходил в свой кабинет, закрывал дверь и в щелочку смотрел, когда все закончится, чтобы не тратить нервы. Поэтому он и прожил, я думаю, 96 лет.

Г.К. Скрябин

— А отец? Он не прятался от проблем?

— Нет, он был очень энергичный, и он был все-таки немножко грузин. Более темпераментный, и, конечно, он потрясающе относился к людям, очень их любил. А дед был странный... Знаете, когда мы однажды пообедали, бабушка, которая всегда ходила на огромных каблуках и в жабо, подходит к телефону, я слышу какой-то разговор, а потом она говорит деду: «Костя, тебя к телефону! Какой-то человек, по фамилии Хрущев. Я сказала, что ты обедаешь, и нужно позвонить попозже». Дед говорит: «Нет-нет, я подойду сейчас». Хрущев тогда предложил деду вступить в партию, причем без испытательного срока. Ему было 90 лет, наверное. И я слышу, как он говорит: «Вы знаете, Никита Сергеевич, если я вступлю в партию, которую, конечно, очень уважаю, то сочтут, что я сошел с ума, и таким образом я буду дискредитировать вашу партию». И он отказался.

Надо сказать, это был не единственный случай, когда дед прикрывался своим возрастом. Когда президентом ВАСХНИЛ пришёл Лысенко, дед, бывший тогда вице-президентом Академии, ушёл, ссылаясь на свою дряхлость. Лысенко отпускать его не хотел и даже предложил организовать съезд паразитологов. Дед и здесь сумел отказаться, аргументируя тем, что он не паразитолог, а гельминтолог. Он вообще умел ускользать без явного конфликта из неприятных для него ситуаций.

— А что это за история с присвоением ему воинского звания?

— Надо сказать, дед никогда не был не только членом партии, но и не служил в армии. Однако однажды, когда его пригласили участвовать в съезде в Берлине сразу после войны, выяснилось, что воинское звание для этого совершенно необходимо. И в порядке исключения, только на время проведения съезда, ему присвоили полковничий чин. В семейном архиве у нас хранится фото, где дед в военной форме и с погонами полковника.

— **Зато отец ваш и в армии служил, и членом партии состоял. Он был искренним коммунистом или так было принято?**

— В моей семье все были прежде всего настроены на поддержку своей страны. Это очень важно. Конечно, сейчас мы смотрим на это совсем с другой стороны. А тогда — как мог человек возглавлять огромный научный центр, не будучи членом партии? Наверное, мог, но ясно, что он мог больше сделать, будучи членом Московского городского комитета партии. При этом и дед, и отец были Героями социалистического труда.

— **А отец был еще и лауреатом Госпремии. Как, впрочем, и вы...**

— Да, отцу Госпремию присвоили как раз за биотехнологию, связанную с производством белка на основе нефти и газа. Если вернуться во времена становления Пушино, то тогда отец вместе с А.А. Баевым организовали первую в стране генетическую школу. Они учили всю страну, и при этом была большая поддержка этой технологии в мире. Да и авторитет отца был немалым: Георгий Константинович в течение 18 лет был Главным ученым секретарем Академии наук при президентах Академии М.В. Келдыше, А.А. Александрове и Г.И. Марчуке.

— **Трех президентов пережил!**

— Это самый долгий срок в такой должности за историю Российской Академии наук. Самое непростое время: мы были в конфронтации с Западом, и ученые нередко наводили мосты, по которым потом двигались политики. Это была одна из функций отца — научная дипломатия, которая сейчас становится все более модной и совершенной.

Е.П. Велехов и Г.К. Скрыбин

— **Предлагаю вернуться в юность вашего отца, когда он, сын выдающегося биолога, академика Константина Ивановича Скрыбина, в 1943-м, будучи студентом ветеринарной академии, пошёл на фронт, лечил боевых лошадей, руководил**

инфекционным отделением 41 армейского ветеринарного лазарета 21-й армии и даже изобрёл специальную баню для лечения их от паразитарных инфекций. Насколько я понимаю, это было его первое научное изобретение.

— Это был очень тяжелый, но важный период его жизни. Отец ведь был метростроевцем, а во время войны дошел до Берлина, был награжден орденами и медалями, до конца жизни он очень трогательно относился к однополчанам, к встречам с ними. Но вы правы: он оставался учёным и на войне — это было его сутью. У меня есть очень интересные книги, которые дед дарил отцу, когда ему было 13 лет. И там есть надпись о том, что человек должен заниматься настоящим делом. И отец, и дед занимались всегда делом — и в тяжелых обстоятельствах в том числе.

Молодым людям, которые сейчас жалуются, «как им трудно, как тяжело», конечно, иногда бывает и трудно, и тяжело, но я советую им представить себе Константина Ивановича Скрябина, который после революции и Гражданской войны создал две кафедры и два института.

— **Наверное, ему тоже было тяжело.**

— Не то слово. А ведь у него уже была семья, двое детей. Они жили в институте. Нельзя было жить отдельно, потому что и добираться было трудно, да и просто нужно было обогреть то место, где живешь. Всё это было проблемой.

— **То есть это была чисто физическая необходимость?**

— Это была, в том числе, и необходимость. Большие трудности были и у отца, когда после войны, в годы разрухи, он оказался в числе создателей научного центра Пушино со всеми его институтами. Ситуация усложнялась еще и тем, что в 30-е годы отец был репрессирован, обвинён в антисоветской деятельности, как тогда было принято. Сидел в Бутырской тюрьме. А в 1957–1958 годах глава нашей страны Н.С. Хрущев встречался в Вене с президентом США Д. Эйзенхауэром, и они приняли решение о том, что нужно начинать улучшать отношения между Россией и Америкой. С этой целью придумали организовать обмен, и первой ласточкой в такого рода опыте было решено обменяться одним художником и одним учёным. Хотели послать отца. Но дело в том, что в 57-м году он ещё не был реабилитирован: это случилось лишь два года спустя. А за два дня до отъезда ему сказали: «Подождите, как же можно ехать в Америку, если вы были осуждены?»

— **Будучи действующим врагом народа...**

— Вот именно. И тогда руководство Академии наук взяло отца на поруки, гарантировало, что всё будет хорошо. Он уехал в США и работал в лаборатории лауреата Нобелевской премии Зельмана Ваксмана в Ратгерском университете (Нью-Джерси, США). Сейчас это институт имени Ваксмана. Там он начал работу по микробиологическому синтезу лекарств. Учителем отца был чл.-корр. АН СССР Н.А. Красильников, выдающийся советский микробиолог.

Потом отец приехал в Россию, где совместно с академиком Н.Д. Иерусалимским они работали в Институте микробиологии АН СССР, который теперь вместе с Институтом биоинженерии объединились в крупный Национальный центр биотехнологий. В 60-е годы он возглавил работу по организации Института биохимии и физиологии микроорганизмов (ИБФМ) в создаваемом биологическом Пушчинском центре, став затем заместителем директора, а в 1967 г., после ухода из жизни Н.Д. Иерусалимского — директором ИБФМ, и занимал эту должность практически до конца своей жизни.

— То, что ваш отец пошёл в ветеринарную академию, было связано с влиянием Константина Ивановича?

— Думаю, да. Дед был очень сильной личностью.

— А ваш выбор тоже определял отец?

— Ниоим образом. На меня никто никогда специально не влиял — мой брат, например, был журналистом. Я тоже стараюсь не навязывать что-то своим детям. У меня только внучка занимается медициной: она учится в МГУ на факультете фундаментальной медицины, и это полностью её собственный, осознанный выбор. Остальные мои родственники занимаются искусством или журналистикой.

— Вас это не расстраивает?

— Нет. У деда есть книга — «Моя жизнь в науке», по аналогии с К.С. Станиславским и его книгой «Моя жизнь в искусстве». Дед эту книгу подарил мне, когда я был студентом, и написал, что главное для любого человека — найти свой путь, что-то, в чём он заинтересован.

— Но ведь иногда молодого человека стоит сориентировать. Наверное, ваш дед не ошибся, направив своего сына в сторону биологии, ведь результаты совершенно выдающиеся.

— Наверное. Вообще могу сказать, что по деятельности моей семьи можно проследить за развитием биологии в XX веке. Дед занимался больше зоологией, систематикой, классической описательной биологией. Отец — микробиологией и классической биотехнологией. А мы занимаемся в основном вещами, связанными с молекулярной биологией и генной инженерией, с геномами, секвенированием ДНК. Это и есть путь развития всей биологической науки за этот период. У меня только одна трудность возникает из-за династии биологов в семье: когда я изучаю импакт-фактор и индекс Хирша, очень сложно разобраться с фамилией Скрябин, потому что и я, и дед — оба Константины Скрябины.

— И у кого из династии Скрябиных индекс цитирования выше?

— Думаю, у меня сейчас самый большой из всей семьи. Дело не в том, что я самый крутой: просто сейчас другие условия. Тогда ведь всё публиковались только в России, особенно во времена отца, а мы теперь публикуемся за границей. Мои оппоненты никогда не используют в разговоре со мной обсуждение индекса Хирша, потому что у меня он около 30. Но я считаю, что это совсем не является критерием качества ученого.

— Когда к вам пришло осознание того, что ваши отец и дед — выдающиеся ученые?

— Трудно сказать. Понимаете, очень важна атмосфера. Потому что, когда вам за обедом или ужином рассказывают о какой-то пьесе Толстого, то вы обязаны знать, что известных Толстых было трое — не один Лев Николаевич, а ещё два Алексея, и это разные люди. Вы просто не можете себе позволить этого не знать. Дед свободно говорил на трех-четырёх языках, и это было нормально. Ему это было необходимо, чтобы читать статьи и книги по специальности, для чего нужно было знать немецкий и английский. А ещё он был членом французской Ветеринарной академии, и поэтому французский язык тоже был нужен.

— Это было энциклопедическое образование, которое сейчас в научном мире встречается всё реже.

— С одной стороны, это входило в круг необходимых знаний любого интеллигентного человека, а с другой стороны, у него это шло, думаю, из детства. Одна из его тётушек была замужем за очень известным банкиром Феликсом Абрамовичем Рафаловичем, который был одним из организаторов знаменитой Парижской выставки. Всё это обязывало, приходилось соответствовать. Но для всех нас это было естественно и органично.

Скрябины

— У вас с отцом были сложные периоды в отношениях?

— Мы были в хороших отношениях, причем чем дальше, тем нам становилось интереснее друг с другом. И у меня была очень умная мама: она работала врачом в обычной городской поликлинике, где принимала по 30 пациентов в день, и усталая приходила домой. Мама была активная, независимая женщина.

— Если она сильно уставала на работе, у нее, наверное, не оставалось времени ухаживать за мужем?

— Нет-нет, на всё находилось время. И за мужем ухаживала, и за детьми, и за собакой. Всё успевала. Потрясающая была женщина! Я думаю, мы очень ей обязаны — и отец, и я, и все остальные. Именно маме.

А об отце вот ещё что можно сказать. У него было потрясающее качество — дар предвидения. Это очень важно в науке.

— Скажите как биолог, что это такое — предвидение? Каков механизм этого «шестого чувства»?

— Одна из самых важных вещей, которая была и у деда, и у отца, и я надеюсь, есть и у меня, — это понимание того, что люди, которые рядом с тобой не глупее и не хуже тебя. Отец поразительно относился к людям. И люди отвечали ему той же преданностью. Я думаю, что эта открытость, когда ты до последнего думаешь о человеке хорошо, даже если он этого не заслуживает, имеет важную оборотную сторону. Вера в человека вынуждает его относиться к вам хорошо, потому что нельзя, невозможно иначе. Поэтому получалось, что и отец, и дед умели окружать себя замечательными людьми.

К.Г. Скрыбин

— В этом и есть суть предвидения?

— Я называю это свойством Наполеона, который всегда окружал себя людьми безумно талантливыми, умеющими принимать важные, ответственные решения. Наполеон шёл на это сознательно: если вас окружает много талантливых людей, то вы, естественно, будете выбирать из правильного. Другого в вашем окружении просто нет. Может быть, и предвидение этим определяется. В конечном счёте, люди определяют всё.

Знаете, каким было одно из самых удивительных моих впечатлений, когда я приехал работать в Гарвардский университет? В то время здесь, в России, считалось, что институт — хороший, если в нем есть дорогое оборудование. И все занимались закупкой оборудования. А я приехал в Гарвардский университет — между прочим, это одно из двух или трех лучших мест в Америке в смысле науки, — и обнаружил, что там нет огромных центрифуг, за которые все борются у нас в России. Там была холодильная комната, где находилась маленькая центрифуга, сверху закрывающаяся обычной решеткой, чтобы

ничего не повредить, и всё. Это было копеечное дело. И они делали работы, которые дали им пять или шесть лауреатов Нобелевской премии. Потому что всё определяют люди. Очень важно это понимать.

*Беседу вела **Наталья Лескова***

Фото автора и архивные